

НЕНОРМАЛЬНАЯ

Ольга АНАВОЛІК

18+

Ольга ANABOLIK

Ненормальная

«ЛитРес: Самиздат»

2014

ANABOLIK O.

Ненормальная / О. ANABOLIK — «ЛитРес: Самиздат», 2014

Главный герой независим, успешен, не обделен женским вниманием. Встречает странную особу, которой оказывается совершенно не нужен. Не потому ли она становится такой необходимой? Публикуется в новейшей авторской редакции.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	20
Глава 4	23
Глава 5	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Глава 1

Телефон, как всегда, ожил не вовремя. СМС с незнакомого номера. Половина первого, вечер пятницы, и кто тут у нас такой смелый?

"Забери меня отсюда. Пожалуйста".

Черт. Понятно. Полгода уже, как этот набор цифр стерт из всех контактов. Только из памяти не стирается.

Кто ж еще у нас такой наглый. И вежливый...

Как удар под дых, неожиданно.

Руки заметались в поисках сигарет... Черт, ведь и курить давно уже бросил...

– Дорогуша, прости, но на сегодня вечер закончен. Мне нужно срочно уехать – неожиданно дела появились.

Блондинка за столом нахмурилась, приоткрыла уже рот, но встретив мрачный взгляд, сообразила – лучше не спорить.

– Собирайся. Закину тебя домой.

А глаза и все внимание – на экран телефона.

"Где ты?"

"Клуб "Спектр", первый этаж".

"Скоро буду".

Из дома почти выбегали, на ходу запрыгнули в машину, даже дверь даме забыл приоткрыть, хотя обычно не страдаю отсутствием манер.

Доехать до дома подруги, тормознуть, не глуша мотор, чмокнуть в нос на прощание, проследить, чтобы вошла в подъезд – на все про все не больше пятнадцати минут.

Еще десять – на то, чтобы долететь до клуба. Когда один в машине, по пустым улицам можно гнать без ограничений. Не до правил.

Так. Клуб, охрана. Купить билет, протиснуться к входу сквозь толпу пьяной, не очень вменяемой молодежи, прикрыть глаза, ослепшие от вспышек света, открыть глаза.

Вот она. В центре танцпола, вытворяет что-то несусветное своим телом, руками, волосами...

Живая. Лица издали не разглядеть, но движется легко и непринужденно и, похоже, наслаждается происходящим.

Какого ж хрена-то?! Сорвать человека из дома, может быть – из теплой и совсем не одинокой постели, и зачем? Доставить удовольствие танцем? Спасибо. Мечта всей жизни.

Напряжение отпустило, но где-то внутри зародилось жуткое недовольство: полгода мертвой тишины, все мосты сожжены, все ниточки оборваны. И тут – на тебе, "приезжай, забери"! И ведь, как дурак, сорвался, приехал.

Что ж, посмотрим, что за шоу нам приготовлено. Пока не стоит показывать свое присутствие.

А глаза невозможно отвести от этого маленького, гибкого тела, которое плывет в дерганом ритме музыки и как будто живет вместе с ней. Так всегда; если она танцует, это шедевр, короткое замыкание, удар по нервам. Задержал взгляд – хрен отведешь, завораживает. И таких замороженных все больше вокруг, толпа молодых ошалевших от похоти самцов становится все гуще и плотнее. Кто-то просто стоит и смотрит, кто-то пытается поближе пристроиться. Ха-ха, не лезьте, ребята, это энергичный танец. В таких ей партнеры только мешают: легко и будто невзначай уходит от цепких рук, постоянно держит дистанцию. А ведь кажется, что и не видит никого – глаза прикрыты, голова запрокинута. Это часть ее маленькой игры, и мало кто догадывается, как она веселится, посмеиваясь над жалкими попытками.

Потянуло. Нещадно потянуло туда – к ней. Подойти, прихватить руками покрепче, чтобы снова не удрала, и задать уже свой ритм, заставить подчиниться, повести в танце. И уже ноги дернулись, и пальцы зашевелились. Вспомнил – не танцевать же ехал.

Ритм сменился. Остановилась, прислушалась, задумалась. Господи, как все знакомо и привычно. Как будто вот только что отошел за пивом и засмотрелся на обратном пути. До зубовного скрежета все родное, хочется глаза прикрыть, чтобы не так ярко видели.

Оглянулась, пошла к столикам. Итак, что мы имеем? Две девчонки – рыжая и черная. Понятно, Алена и Рита, бессменные подруги. Они безопасны, как будто, хотя кто их, женщин, разберет?

А вот это что за хмырь долговязый, прилизанный??? И видит же, что девочка села на отдельный диван, ясно, что не нужны соседи. За каким, спрашивается, ты лезешь к ней поближе? И не хочет она, чтобы ее за плечи обнимали, видно же, пытается увернуться, и на лице тоска...

Все. Вот теперь все ясно. Двигаем.

– Всем привет. Аня, вставай, пойдем.

Лица у подруг ошарашенные, у хмыря – недовольное, и ее глаза – распахнулись, до размеров блюдца, моргать перестала, и ... неужели, в них есть эта радость, не показалось?

– Дима...

И руку протянула. Силу не рассчитал: не потянул, а практически выдернул из-за стола. Пришлось подхватить, чтобы не упала. Прижал к себе – конечно, для поддержки, и забыл, как дышать. Вдохнул, а выдохнуть не получается. И эти глаза – уже настороженные. Правильно боишься. Не нужно меня злить.

– Где вещи твои?

– Плащ в гардеробе. Сумочка – вон валяется, в углу дивана.

– Алена, подай сумочку, пожалуйста. Все. Всем пока.

Уводить отсюда, пока никто не опомнился. Пока не передумала. А может. Это в ее стиле. Психануть, послать и уйти в неизвестном направлении. Да и кому понравится, когда тебя почти волоком тащат сквозь толпу, несмотря на шпильки, узкое платье и несчастное лицо? Ничего, пробежимся, плясать-то смогла на своих спичинках, значит, и бежать сможешь.

– Номерок давай.

Забрать плащ.

«Господи, вот это – плащ? Это тряпочка. Пижама толще бывает».

Накинуть на плечи. Странно, должен бы прикрыть от посторонних глаз, а они еще больше плятятся... Ну да, забыл, что на нее все и всегда смотрят, хоть в арестантскую робу одень, хоть в мешок из-под картошки.

Да почти все уже забыл, выжег, вытравил. И все девушки новые – как на подбор, полная противоположность: высокие, светловолосые, пышные. Чтобы ничем не напоминали. Хотя, все равно, то губу кто-нибудь закусит похоже, то прядь волос поправит, то бровью поведет, и все: приехали, выходим, дальше нам не по пути.

От таких мыслей лицо еще мрачнее стало. Пока дошли до машины, девочка совсем напряглась, сжалась. Забралась на сиденье не без помощи. Пристегнулась, молчит.

За двадцать минут всего несколько слов друг другу сказали. Да уж, теплая встреча.

Поворот ключа, вдох, выдох, успокоился.

Всхлип. Еще один. Носом шмыгает. Да что ж такое происходит-то?

– Ты пьяна?

– Нет. Всего два коктейля.

– Почему ревешь?

– Устала. И стыдно, что тебя из дома выдернула. Извини меня, пожалуйста. Спасибо, что приехал. Давай, я дальше сама доберусь? Тут всегда такси стоят.

И глаза такие – виноватые, несчастные, смотрят с надеждой.

Вот уж хрен теперь. Никуда ты сама не поедешь.

Рванул с места, как псих, а зря – не любит же опасной езды. Но молчит. Только носом сопит и вздрагивает.

– Ты чего трясешься? Замерзла? Обогрев включить?

– Нет, спасибо. Это от нервов и усталости. Сейчас пройдет. Приду домой, лягу спать, к утру буду как новенькая.

– Так. Никуда ты одна не пойдешь. Даже не думай. В таком состоянии тебя оставлять нельзя. Едем ко мне. Переночуешь, утром домой отвезу.

– Но... – и взгляд растерянный...

– Все свои "но" оставь на завтра. Сейчас молчи и слушайся. Говорить тоже завтра будем. Доехали без слов. Затихла так, что даже дыхания не слышно. Такое молчание хуже всего. Да и черт бы с ним, хуже, чем было, уже все равно не будет.

В лифт зашли и встали по разным углам. Лучше на расстоянии держаться, чтобы руки сами не потянулись. Выдержка совсем ни к черту.

Вошла в распахнутую перед ней дверь квартиры, присела, чтобы расстегнуть пряжки на туфлях, да так и застыла, спрятав лицо в руках. Сверху еще и волосы рассыпались. Что там под ними происходит – не поймешь.

Так. Вот таких выступлений мы еще не видели. Обычно же, как кремень, непрошибаемая. Как – то страшно стало.

Присел на корточки, волосы убрал, погладил ладошки, отвел от лица.

– Эй, что случилось? Кроме алкоголя, больше ничего не употребляла?

Подняла глаза, грустно улыбнулась.

– Прости, не хотела тебя напрягать. Некомфортно мне как-то, зря тебе написала.

Э, нет, дорогуша. Извинениями уже не проймешь. Просто так не отделаешься.

– Значит, так: кончай разговоры, иди в душ, я пока чайник поставлю. Ты, как обычно, на ночь кофе пьешь?

– Ага. Спасибо.

– Где все необходимое лежит, знаешь. Какую-нибудь футболку сейчас принесу.

В ответ – еще одно "спасибо", скинула туфли и упорхнула. Оставив сидеть на полу и разрываться между гордостью и желанием пойти туда же, вслед. Не обязательно вместе душ принимать. Не так все сразу. Просто, посидеть рядом, послушать, как плещется, как роняет по очереди все флакончики и чертыхается при этом... К счастью, то ли гордость, то ли страх (не спугнуть бы), неясно что, но меня остановило.

Пошел на кухню, зарядил кофеварку, нарезал бутербродов. Застыл в ожидании и сомнениях. А, точно – нужно же футболку принести, и халат! Это реальный повод, чтобы зайти, и самолюбие не пострадает. Точно, не постыдная слабость, а необходимость. Не голой же ей из душа выходить... Замерзнет еще, простудится. Ни к чему нам это.

Так, где наша любимая футболка? Вообще-то, нет такой привычки – девушек в свою одежду наряжать... Да что врать-то самому себе? После нее эта привычка и пропала. Раньше как-то без разницы было, а теперь неприятно, что на чужом теле твои вещи болтаются. Ладно, вот она – самая подходящая, ей как платью будет, не замерзнет. А халата у нас нет. И не было, вообще-то. Нужно будет решить эту проблему...

Осторожно, без скрипа и шума, приоткрыть дверь в ванную комнату. Вода шумит, штора плотная, не видно ничего. К лучшему, наверное...

– Ань...

Тишина. Воду прикрыла. Молчит.

– Да?

– Футболку принес. На крючке висит, рядом с полотенцами.

- Спасибо тебе большое.
- Еще нужно что-нибудь?
- Нет, спасибо.

Да что ж ты будешь делать с этой вежливостью?! Как чужая, ей-богу, постоянно дистанцию держит с этими "спасибо", "пожалуйста", "будь добр"...

- Если вдруг что понадобится – кричи, я на кухне, услышу
- Хорошо.

Так, справились. Теперь опять на кухню. Вот тебе и бросил курить: руки сами нашли спрятанную пачку, пепельницу, зажигалку. Первая сигарета проскочила в три затяжки. Вторая – более вдумчиво. Спасибо, вода в душе перестала шуметь. Вместе с ней и вдохи остановились. Дыши, брат, дыши, впереди все самое интересное.

Тихий стук двери, легкие шаги босых ног. Если специально не прислушиваться – не заметишь. Ступает мягко, как кошка.

Выдох, отвернуться к окну, затянуться. Нужна пауза, перед первым взглядом, первой фразой. На счет "раз" – выдыхаем, на "два" – поворот головы, на "три" – поднимаем взгляд. Нет, не помог аутотренинг. И глаза жадные не остановить: заметались, охватывая всю, от мокрых рассыпанных прядей, по влажной тонкой шее, задержались на руках, мнущих полотенце, застряли на босых пальчиках ног. В глаза ей смотри, придурок, в глаза!! Так проще, наверное. И страшнее: что там, в этих глазах? Сожаление, скука, что?

А глазки ее грустно смотрят на бокалы с вином недопитым, со следами губной помады... И плечи поникли. Черт, это ж надо быть идиотом – час топтался на кухне, а следы неудавшегося ужина не убрал!!!

– Я тебе вечер испортила? Вот же, не сообразила, что у человека дела могут быть. Извини меня, пожалуйста. Мог бы и не приезжать, зачем ты девушку бросил ради меня? Нужно было проигнорировать, или написал бы, что не можешь...

Ну да, в своем репертуаре. Могла бы ревность изобразить, что ли. Любая нормальная женщина, даже без всяких прав, обязательно сцену закатила бы. А эта снова извиняется.

– Слушай, ты не так часто о помощи просишь, чтобы игнорировать. Это вообще, наверное, первый раз был. Так что закрываем тему и садимся пить кофе. Бери бутерброды. Сладкое будешь что-нибудь? Конфеты есть, ты любишь такие.

– О, замечательно! Давай сюда конфеты. И бутерброды давай, сейчас все буду, голодная как собака. – И первая улыбка за вечер, и словно жаром всего окатило, а потом отпустило, и задышалось легко и свободно. Улыбается, по – настоящему улыбается, глазами. Значит, жить можно, и надеяться можно, и вообще жизнь прекрасна!!!

Только сейчас стало понятно, что последние полтора часа дышал вполсилы, говорил вполголоса, зато зубы и кулаки стискивал, что есть мочи. Скулы болят от напряжения.

- Садись давай, сейчас все поставлю.

Забралась на стул с ногами, как обычно, босые ступни под край футболки спрятала, подбородок на колени пристроила, еще чуть – чуть, и клубком свернется на табурете. Ни одна уважающая себя девушка такую позу перед мужчиной не примет – никакой тебе эротики, все спрятано, скрючено, в общем, самца не заманишь. А эта вот сидит себе и не парится, и как не упадет еще... а глаз от нее, такой не эротичной, не оторвать, так и цепляются, то за прядку мокрую, то за пальчики тонкие...

– Рассказывай, что у тебя приключилось? Вроде, танцевала бодро, компания нормальная сидела...

– Да ненормальная компания. Мы с девчонками втроем пришли, никого не трогали, ели-пили-танцевали. А потом этот Вадим нарисовался. Он каким-то боком к начальству Ритинового мужа относится. Как – то сильно Мишаня от него зависит. В общем, посылать подальше нельзя, хотя очень хотелось. И, как назло, решил до меня докопаться – любовь у него вспыхнула. Пока

трезвый был, я еще отшучивалась. Хотела сразу отправить в нужном направлении, но Рита по взгляду моему все поняла начала смягчать ситуацию. А потом он поднабрался и совсем уж грязно хамить начал. Пока силы были – на танцпол бегала, так он следом поперся, прижиматься начал... И, как назло, ни одного знакомого не нашла, чтобы помог... Может, и был кто-то, но не увидела. А потом девчонки разошлись, сватать мне этого гада начали. В общем, не хватило мне характера, чтобы послать и Вадима, и Ритку с Аллой. И я сделала ход конем...

– Конь, надо понимать, это я?

– Ну, хочешь, назову тебя роялем в кустах. Так не обидно? Ты меня, действительно, прости. Не хотела тебя дергать, но как-то у меня совсем сил не осталось, помощь потребовалась. И почему-то сразу тебя вспомнила. Потом уже дошло, что время позднее, и некрасиво так делать...

Глупенькая. Маленькая совсем и глупенькая. Стыдно ей и неудобно. Да ты меня хоть конем, хоть лосем, хоть табуреткой обзови сейчас – по барабану!! Помощь ей впервые потребовалась (не было еще такого случая за все время знакомства), и вспомнила не кого-то, а меня!!! Странное желание вскочить на стол и постучать в грудь кулаком, как древний бабуин какой-то.

– Прекрати извиняться. Все ты правильно сделала. Жаль, не сказала раньше, я б ему личико подправил, вместе с мозгом. Ладно, давай спать укладываться.

Взгляд исподлобья, одна бровка вверх поползла вопросительно. Не бойсь. Никто тебя совращать не будет. Хватит на сегодня и того, что ты в моей квартире, впервые за вечность.

– Я тебе в своей комнате постелил, сам на диване лягу. Твоей скромности ничто не будет грозить. Завтра с утра никуда не нужно?

– Нет, конечно. Иначе б в клуб не пошла.

– Замечательно. Тогда отключай все будильники и спи, пока не надоест. На часах три ночи уже. Я с утра по делам стогняю, потом вернусь – не пугайся, если меня не будет. Все, спокойной ночи. Отбой.

– Замечательно. Я пошла. Спокойной ночи.

Легко прыгнула со стула и упорхнула в темную комнату.

Улегся на диван, вытянулся. Перевернулся. Обнял подушку. Снова перевернулся. Да, похоже, спать сегодня не придется. А за стенкой тишина. Даже дыхания не слышно, а так хотелось бы... В голове обрывки мыслей, воспоминаний, как в калейдоскопе... Да что себя обманывать-то? Одна мысль, одно желание – вот оно, в соседней комнате, сопит уже вовсю, наверное. Только нельзя сейчас об этом думать, иначе с ума сойдешь, или испортишь все, поддавшись глупой слабости... Шорох какой-то. Нет, почудилось. Легкие быстрые шаги. Что ей не спится-то? Все ближе шаги. Дернула одеяло, забралась, прижалась вплотную. Это сон, или она действительно здесь, рядом, на соседней подушке? Быть не может такого...

– Я замерзла там. Не привыкла под таким тонким покрывальцем спать. Я же тебе не очень помешаю?

Конечно, ты помешаешь. Только, если уйдешь сейчас – я просто сдохну. И не уйдешь – все равно скончаюсь в муках. Что лучше: от тоски или от того, что тело сейчас взорвется, устав себя сдерживать? Или прекратить сейчас мучения, выключить мозг и просто сделать то, о чем мечтается последние несколько часов? Дать волю рукам, губам, глазам, всему телу? Вобрать в себя, вдохнуть этот невозможный запах, родной и будоражающий, а там – будь, что будет? Нет, нельзя. На этом все и закончится. Возможно, даже что-то случится, и так же хорошо, как раньше; возможно, с привкусом горечи, который накопился за полгода тоски, но от этого – ничуть не хуже... только это будет финал, окончательный и бесповоротный. Поэтому: дыхание задерживаем, руки-ноги контролируем, глаза не открываем. Запах волос... запах игнорируем. Верим в свои силы.

– Да спи уже. Ты маленькая, места хватит.

Вздохнула довольно, немного поерзала, повернулась спиной, ледяные ступни (да, действительно замерзла, не придумала) прижала к ногам, и затихла. Через секунду мирно засопела. Осталось только обнять поперх одеяла (не дай Бог, прямо рукой коснуться, этого уже не выдержать) и охранять покой. И какие демоны, за какие грехи занесли в мою жизнь эту женщину?!!!

Глава 2

За какие грехи – так и останется тайной, а вот демоны вполне известны. И не демоны вовсе, а вполне уважаемые и ценные друзья – коллеги.

Тот месяц с самого начала не задался. Неприятности в бизнесе посыпались со всех сторон: сначала налоговая проснулась, потом пожарный инспектор нагрязнул, потом жильцы квартир, что над офисом, начали жалобы писать. А в это время куда-то исчез один клиент, которого год обхаживали, потом второй взял паузу в переговорах. Банк, который без проблем выдавал кредиты, вдруг потребовал дополнительные гарантии. Неделя потребовалась на то, чтобы понять: таких совпадений в жизни не бывает, кому-то вдруг приспичило вставить палки в колеса. Еще неделя – на сбор данных и поиск потенциального врага. Не так просто было определить, кому вдруг помешала скромная и не очень заметная компания, которая в этом маленьком провинциальном городке и дел-то крупных не вела – все серьезные проекты воплощались далеко за пределами области, а здесь находился только офис и само руководство. Пока думали и разгадывали эту загадку, Дмитрию пришлось срочно лететь в Москву, в тот самый банк, который вдруг закапризничал, и в первый раз за несколько лет затребовал на встречу не финансового, а самого генерального директора. Переговоры были сложными и вымотали все нервы, но с банком удалось договориться: все странные новости, которые накопила банковская служба безопасности, не подтвердились, и условия договора менять не стали. На это ушла вся пятница и полдня в субботу. Таких сложных встреч давно уже не приходилось проводить – за несколько лет стабильной работы репутация была наработана, и доверие партнеров только крепло, а тут, вдруг, сомнения возникли.

Дима поулыбался начальнику кредитного отдела, новое соглашение подмахнул, печатью скрепил, но для себя решил, что пора искать других кредиторов – такие обиды забывать не стоит. Как говорится, люди мы не злые, но память у нас хорошая.

И уже планировал расслабиться, провести остаток выходных в компании однокурсницы, с которой встречался каждый раз, приезжая в Москву: встречи приятные, но ни к чему не обязывающие. Но... Позвонил Серега – начальник СБ, лучший друг и самый надежный товарищ.

– Дим, заканчивай все дела и срочно возвращайся. Без тебя никак не разобраться.

– Что-то серьезное случилось?

– Да, в общем-то, основные проблемы уже уладили, никакой беды нет. Но ты здесь нужен. Чем быстрее, тем лучше.

Что ж, если Сергей говорит "срочно", это действительно срочно. И по телефону пытаться бессмысленно. Без причины этот человек суету не наводит.

Пришлось нестись в аэропорт, улетать первым рейсом в Северную столицу, а оттуда несколько часов гнать домой на машине.

В офис приехал ближе к обеду в воскресенье. В кабинете уже сидел Сергей – как всегда, при костюме и галстучке, свежесвыбритый и солидный. Помятому, злону и почти сутки не спавшему Дмитрию пришлось сдержаться, чтобы не ляпнуть что-нибудь едкое.

– Как доехал?

– Как видишь, живой, хотя не очень бодрый. Рассказывай, что вы тут натворили.

– Да мы сильно-то не буянили.. так, пошалили малость...

– Серег, давай по делу. Еще немного – и я здесь засну, либо кому-нибудь в лоб заеду, чтобы взбодриться. Кстати, кофе пьешь – мне налей.

– В общем, расклад такой: вчера на Алексея напала шайка гопников, прямо во дворе дома, среди бела дня. Хорошо, я пару дней назад ко всем нашим менеджерам своих парней прикрепил – сам не знал, для чего точно: то ли последить, то ли защитить... В общем, ребята его до подъезда вели. Эти уроды – гопники дурачками прикидывались, типа на скамейке семечки

лузгали, а когда Леха подошел, под ноги подсекли, один сверху уселся. Что дальше собирались делать – науке неизвестно, так как парни мои выскочили, всю эту шайку быстренько повязали, в две машины засунули и к нам офис приволокли. Здесь их уже радостно встретили и приветили остальные бойцы. Никого не пришибли, без тяжких телесных, но размялись славно.

– Охренеть. Мы что, в лихие девяностые вернулись? Что за дела творятся?

– Да разобрались уже. Короче, товарищ Никаноров (кто таков, объяснять не буду), начал терять в городе влияние, пару кусков у него нынешние власти оттяпали. Парень осмотрелся по сторонам и решил прибрать к рукам то, что, по его мнению, плохо лежит, и никому не нужно. Мы с тобой, как понимаешь, попали в этот разряд. Отсюда все ниточки и тянутся: он начал с цивилизованных методов (налоговые, пожарные, банки – его рук дело), а когда понял, что это не работает (опыта у него такого маловато), решил потряхнуть стариной и поугагать наш народ силовыми приемами. Леха, оказался первым – потому как финансовый директор, и потому как щуплый и бледный на вид. Это мне уже парни посерьезнее рассказали, которые за своей бандой неудачников приезжали.

Слушая эту бредовую историю, Дмитрий все больше мрачнел: ничего хорошего такие новости не обещали. Придется подключать свои не слабые связи, а этого ой, как не хотелось: привык уже цивилизованно работать, полагаясь на себя, свой ум и опыт, репутацию и надежных партнеров. С криминальным же миром – чем дальше, тем спокойнее.

– В общем, намекнул я этим парням, кто мы есть, и кто есть за нами. Так, без лишних имен и конкретики, но они оказались смышленными, поняли с первого раза, извинились и обещали больше не отсвечивать. Кстати, помощь даже предложили, "если чё", в качестве моральной компенсации.

– Ясно. С этим ты сам разобрался. Тогда в чем дело? Серег, не темни, и не тyani кота за хвост: если б все так гладко было, не стал бы меня выдергивать за пару тысяч км.

Странно, никогда еще старый друг не выглядел таким смущенным и неуверенным...

– Короче, тут такое дело...

– Да какое, Серый, какое дело? Не трави душу, вываливай все как есть!

– Ребята нечаянно с этой ватагой смельчаков девчонку прихватили...

– Не понял? Какую девчонку и куда прихватили? – Вот сейчас начала просыпаться злость и раздражение. Еще ничего не ясно, но чует сердце, все самое интересное только начинается...

– Да они, когда этих щупликов крутили, особо не рассматривали, всех собрали, на голову шапки – капюшоны натянули, чтоб сильно не вякали, руки за спиной повязали. Загрузили в машину, здесь повытаскивали и сразу в нашу комнату "разговоров" потянули. А когда начали их распаковывать по очереди, кто-то заметил, что у одного что-то ручки больно нежные, даже для подростка-малолетки. Короче, куртку с головы размотали – а там девка оказалась. Стоит, молчит, глазами хлопает. По сторонам оглядывается, явно обалдела. Я там рядом был. Увидел – охренел. Мужикам сказал, чтоб ее в комнату отдыха пока отвели и там закрыли. Вещи, понятно, забрали. Ну, телефон там, паспорт, сумочку...

– И?

– Что "и"? Забыл я про нее потом. Вспомнил через несколько часов, когда со всеми орлами залетными разобрался. Короче, почти весь день она у нас просидела взаперти...

Серега явно мялся и не хотел признаваться в своем косяке, и какая-то непонятная неуверенность в нем появилась. Такие паузы он не делал, даже когда на первых танцульках девчонку пригласить пытался

– Ну? Что дальше? Отпустили, извинились?

Виновато взгляд потупил.

– Да едрит твою налево!!! Ты мне скажешь, что с ней случилось? Ты меня из-за этого вызвал? Охренеть... Давай, рассказывай все как есть, пока я не разнес что-нибудь, к чертям!!!

– В общем, когда я про нее вспомнил – пошел по камерам посмотреть, что там делает? Стремно, если честно, запереть девку против ее воли на несколько часов, а потом идти к ней разговаривать. Фиг знает, забьется в истерике или в глаза когтями полезет... я с нервными женщинами не умею обращаться. Не бить же их?

Короче, смотрю и вижу: сидит эта пленница на диване, тыкает пальцами в какую-то электронную хрень, кофе из чашки прихлебывает... минут десять наблюдал. Даже намек на нервозность не увидел. В общем, странной она мне показалась. Нормальный человек, если его схватить, скрутить, привезти неизвестно куда и закрыть на полдня, должен хоть как-то нервничать. У нее либо шок, либо она не просто так в этом дворе оказалась. Может, из той же шайки, но прикинулась типа случайной?

– Дальше что?

– А ничего. Оказалось, что ребята, пока я разговоры разговаривал, о ней побеспокоились: в туалет сводили, поесть принесли, поинтересовались, чего ее душенька изволит. Чем-то она им приглянулась. Наверное тем, что не истерила. Зауважали. И ты прикинь? Знаешь, что она попросила?

– Серега, не тяни мне душу. Давай короче. Что, где, почему? Как карта легла, чем душа успокоилась?

– Не, короче не получится. Ты должен всю историю знать, чтобы понимать мои поступки. В общем, эта милая барышня попросила дать ей покурить, кофе и телефон. Телефон ей, само собой, никто не выдал. Тогда, говорит, дайте мне либо книжку, либо тетрис, либо кроссворды. Иначе я от телика свихнусь тут у вас. В общем, парни подсутились: выгребли у твоего секретаря из стола кучу бумажных романчиков (кстати, ты ей, похоже, переплачиваешь), кто-то планшет приволок с играми. Понятно, без модема. Она еще часа два читала, в игрушки играла, потом попросилась в туалет, чаю попила и уснула.

Плечи у Димы опустились, нестерпимо зачесались глаза, зазудел небритый подбородок. В общем, резко поплохело. Хотелось заорать, но силы вдруг иссякли... Заговорил тихо, но с нарастающей яростью:

– Она что, здесь еще?! До сих пор? Ты, нахрен, понимаешь, что творишь? Удержание человека против его воли... Это что за статья? Как там точно называется? Ты решил под монастырь всех подвести? А если ее в розыск подали? Среди бела дня умыкнуть девку!! И нет, чтоб извиниться, и отпустить восвояси с приятным бонусом, в качестве извинения... он ее и на ночь здесь оставил...

– Димон, не кипятись. Она спит еще, между прочим. И никто ее не ищет. На телефон ни одного звонка не было. Я, кстати, телефонную книжку и журнал вызовов проверил – телефон и симка рабочие, не левые. Журнал и список контактов забит до отказа. Подозрительных номеров не нашел, прошерстил по всем базам. Странно как-то все: ведет себя неестественно спокойно, без психов и истерик, даже страха никакого не заметно. Но ни одной зацепки, чтобы увязать ее с Никаноровскими, нет. Решил, что нужно тебе с ней пообщаться. У тебя взгляд свежий, может, лучше поймешь, что за краля...

Только сейчас стало заметно, что глаза у Сергея тоже усталые, и бодрость в голосе увядала с каждой минутой.

– Я не дипломат, и как из этой ситуации вырливаться – не знаю. С мужиком разобрался бы, если бы психовала – тоже понятно: дать валерьянки, цветы-конфеты, сертификат в ювелирку, и "простите, ради Бога". А эта странная какая-то. Короче, извини, друг, что втянул, но придется тебе вытягивать...

Дима потер глаза, нахмурился, вздохнул.

– Ладно, показывай, что у нас есть на нее.

– Да смотреть особо нечего. Паспорт – Леонидова Анна Сергеевна, 29 лет от роду. Замужем не была, не рожала, не привлекалась. Прописана в другом городе, за хрен знает сколько

километров отсюда. Где здесь живет – не известно. Ключи с брелком от домофона были, но не пойдешь же по всему городу ими тыкать. В кошельке немного наличных, пара тысяч, куча дисконтных карточек, чеков и прочей лабуды, и, заметь: три карты от разных банков, все дебетовые. Пробил счета – на всех есть деньги. По несколько сотен штук, как в деревянных, так и в зеленых, и розовых. Не сказать, что сильно богата, но и не бедствует. Что совсем не стыкуется с внешним видом...

– А что не так с внешним видом?

– Одетая, как подросток из небогатой семьи – джинсики, кроссовки, маечка, толстовочка.. косметики почти нет, хотя ухоженная...

– Ты когда рассмотреть-то успел?

– Да я зашел, пока она спала, хотел глянуть, что она там на планшете делала... даже не проснулась. Ну, и рассмотрел...

Как-то смущенно говорит. И глаза в пол...

– Едрид-матрид! Серый, ты никак, запал на пленницу?

– Да ни хрена я не запал. Любопытство мучает. Слишком странная...

– Ну да, ну да... Давай уже, буди ее, и веди сюда. Иначе я сам в спящего красавца превращусь.

Сергей вздохнул, поднялся с решительным видом и пошагал из кабинета.

Очень хотелось включить монитор видеонаблюдения и посмотреть: и на пленницу-загадку – проблему, и на то, как друг будет себя вести. Но решил не торопиться. Лучше сразу в лицо посмотреть. Обычно Дмитрий доверял своему чутью и редко ошибался в людях. Решил и сейчас положиться на первое впечатление, а там – действовать по ситуации: либо извиняться и предлагать компенсацию за моральные неудобства, либо запугивать и угрожать...

Дверь в кабинет открылась минут через десять. Сергей, как истинный джентльмен, пропустил даму вперед. Но от вежливости здесь не было ни грамма: оставшись за спиной вошедшей девушки, он тут же начал строить непонятные гримасы. Что они значили – одному Богу известно. Мда, это, похоже, вирус, которым девушка успела заразить лучшего друга. Печально.

Она действительно походила на подростка неопределенного пола: небольшого роста, щуплого телосложения... непонятной фирмы кроссовки, свободные джинсы и необъятная толстовка с капюшоном и карманами. Руки в этих самых карманах. Если бы не походка (очень легкая, пружинистая: не зашла, а влетела), и не длинный конский хвост на макушке, который бодро раскачивался при каждом шаге, ах да, еще губы – слишком полные и розовые, и тонкие аккуратные бровки: если бы не все это, она вполне могла бы сойти за мальчишку.

Только слишком много было этих "если", выдающих в ней женщину. Пусть с непонятной и не очень интересной фигурой, но однозначно – женщину. Как могли парни перепутать?!?! Только в очень большой спешке, наверное. Или она сама подставилась. Что тоже вероятно.

Пока рассматривал, вдруг ощутил, что его тоже изучают. Поднял глаза, нет, оторвал глаза от обследования фигуры (хотелось понять, есть там хоть что – нибудь, под этой мешковатой одежкой) и уперся в такой же внимательный, изучающий взгляд. Глаза – огромные, в пол-лица, широко раскрытые. Смотрит прямо, но без вызова, даже немного скучающе (охренеть, так хорошо притворяется, или действительно не нервничает?), пару раз моргнула, окинула мельком фигуру и снова уставилась прямо в глаза. Ага, одну бровь чуть приподняла (еле уловимо, но выразительно) в вопросе.

– Здравствуйте. – Голос приятный, чуть хриплый, но мелодичный. И абсолютно ровный тон. Так в магазине с кассирами здороваются.

– Здравствуйте. – Постарался выдержать ту же интонацию, но немного насмешки все же проскочило.

Помолчала, оглянулась на кресло напротив стола, нахмурилась, даже губы поджала

– Да Вы присаживайтесь.

– А у Вас есть нормальный стул? Обычный, офисный?

Опаньки! В его кабинете еще никто и никогда не отказывался садиться в это огромное кожаное кресло. Оно, казалось бы, олицетворяло комфорт и удобство, и заботу хозяина о гостях. Но была в нем маленькая хитрость – покатое сиденье и выгнутая не там, где нужно, спинка: большинство людей в нем тонуло, съезжая в глубину, колени при этом задирались, и человек выглядел и чувствовал себя немного глупо. Девушки в коротких юбках так вообще терялись, не зная, как сесть поприличнее.

Кто-то вскакивал и продолжал разговор стоя, кто-то краснел и мучился, стесняясь сказать хозяину кабинета о своем дискомфорте. Дмитрий добивался именно этого: сбить с толку противника, вывести из равновесия, а потом обыграть, пользуясь его неуверенностью. Серега эту хитрость знал, и просто разваливался на сиденье, не думая о внешнем виде. А на совместных переговорах всегда отходил в сторону, на небольшой диван, и оттуда наблюдал за происходящим, почти не вмешиваясь.

Теперь они оба устали на "гостью" – Дима с удивлением, Сергей – с легкой примесью восторга.

– А чем Вас это сиденье не устраивает?

– Оно кожаное.

– Ну да, кожа натуральная, краска не облезит, в чем проблема?

– Я не люблю кожаную мебель. Когда жарко, к ней прилипаешь.

– Ну, здесь не жарко, кондиционер работает. В этом помещении вся мебель из кожи, так что вариантов нет. – А сам задумался, что в чем-то девушка права, и стоит подумать о замене.

Снова выразительно изогнула бровь, легкое движение – приземлила свою пятую точку. Дальше началось представление: словно котенок на новом месте, девушка поерзала, оглянулась назад, на спинку, попробовала несколько разных поз, но, в конце концов, так же, как и все предшественники, позорно скатилась в глубину. Коленки задрались, а ноги оторвались от пола. Дмитрий уже готов был злорадно ухмыльнуться и приступить к беседе. Ситуация складывалась по накатанной схеме, и он был уверен, что решит проблему с девицей, кем бы она ни была: смотреть снизу вверх на хозяина кабинета, болтая в воздухе ногами, как ребенок, и при этом чувствовать себя комфортно, невозможно.

Но поторопился с выводами. Девчонка посидела молча, покрутила кроссовками в разные стороны, вздохнула... затем так же молча выбралась обратно. Присела на краешек...

– Вы меня, конечно, извините за нескромность, но мучиться в этом монстре я не собираюсь. После вашего дивана и так спина болит, а после кресла я вообще не разогнусь. Так что я буду сидеть, как мне удобно. В конце концов, я – дама, и мне можно.

Эта неожиданная концовка совершенно не подготовила к следующим действиям: она наклонилась, сняла кроссовки, и забралась в кресло с ногами. Очень уютно устроилась, уперлась рукой в подлокотник, подбородок на ладонь пристроила. И снова уставилась в глаза хозяину кабинета.

Дима на минуту завис от такой... наглости? Непосредственности? Сергей в углу поперхнулся, сдерживая смех. Поймав возмущенный взгляд друга, только пожал плечами...

– Вы всегда так себя ведете?

– Как?

– Нагло.

– А в чем конкретно наглость? Я же не на коленки к Вам присела.

– Еще чего не хватало!

– Вот и я о том же. В чем проблема-то? – И снова абсолютно спокойный, уверенный взгляд. Ни тени насмешки, хотя сложилось впечатление, что деваха явно издевается и выводит из терпения.

Слишком борзая для мирной пленницы. Явно не случайно здесь оказалась. На этой мысли чувство вины и неловкости окончательно покинуло Дмитрия, зато вернулась уверенность в себе и понимание, куда двигаться дальше. Щелкали и не такие орешки.

– Ладно. Давайте ближе к делу.

В ответ – молчание и все такой же внимательный взгляд. Необычно: мало кто умеет так прямо, спокойно и без напряжения смотреть в глаза другому человеку. Обычно выдержки хватает на небольшое время, а потом взгляд начинает перемещаться на лицо, волосы, руки, окружающую обстановку – не то, чтобы бегаёт, но и на месте не задерживается. А женщинам вообще свойственно не просто смотреть – оценивать. Считать: костюм-галстук-туфли-запонки-часы. Итого. Неплохо бы еще на машину взглянуть. Чтобы вывести суммарный потенциал – доход, щедрость, в общем, на что тут можно рассчитывать. Дима к таким счетчикам привык, и особенно на девушек не обижался – у них генами заложено искать самого успешного самца.

А вот эта конкретная особь его в качестве самца, похоже, не рассматривала. Вообще никак не рассматривала, что тоже немного напрягло: привык, все-таки, к женскому вниманию. Да и черт с ней, не на свидании, в конце концов. Не туда мысли побрели, совсем не туда. Усталость дает о себе знать.

– Анна Сергеевна. Я же не ошибаюсь?

– Мой паспорт у Вас?

– С чего Вы взяли?

– Я здесь никому не представлялась. А паспорт был в сумочке.

– Да, у нас.

– И телефон?

– И телефон.

– Замечательно. Я думала, потерялись. Дайте мне телефон, пожалуйста, мне нужно срочно позвонить.

Хорошо. Пойдем навстречу, покажем, что мы очень дружелюбные.

– Сергей, отдай телефон. Но звонить придется здесь, в нашем присутствии. И не советую говорить что-то лишнее.

– Да ради Бога.

Сергей подошел, вытащил из кармана пиджака и телефон, и паспорт. Подал прямо в руки.

– Сумку с остальными вещами отдадим попозже.

– Хорошо.

И, не глядя на мужчин, сразу же начала тыкать пальчиком в сенсорный экран.

– Алло. Привет, мамуль. Как дела? У меня нормально все. Да нет, только проснулась недавно. Вчера не звонила – замоталась сильно, рано уснула. А ты сама не могла набрать? Такой же телефон, почему я всегда должна первая звонить? Сейчас тоже начну обижаться – вы же мне не звоните... да шучу я. Ладно, у меня все в порядке, попозже звякну еще. Сейчас завтракать пойду.

Дима внимательно слушал, пытаюсь уловить хоть какую-то подозрительную нотку, фальшивое слово... Сергей занимался тем же. Но ничего не услышали. Теплый тон, резковатые слова, но очень теплые интонации: будто не важно, что говорить, важно – как. И снова абсолютное спокойствие. Словно каждое воскресенье ей дают по голове и увозят незнакомые мужики в неизвестном направлении... так, привычное развлечение, немного надоевшее уже. Или очень хорошо притворяется.

Поговорила, нажала отбой, полистала экран – проверила входящие, убрала в карман.

– Спасибо.

– Скажите, Вы часто бываете в ситуациях, подобных этой?

– Нет, такое со мной впервые.

– Вы совсем не боитесь? Слишком спокойно себя ведете для подобного случая...

– А мне нужно бояться? Сообщите, что конкретно мне угрожает – я сразу же начну.

– Вы считаете, что нет поводов для страха?

– Наш разговор смахивает на беседу двух евреев – вопрос на вопрос... В жизни всегда есть повод для страха, но конкретно в данный момент я вообще не понимаю, что происходит. Где я? Кто вы? Что вам нужно от меня? Какого хрена, в конце концов, мне дали по голове, замотали во что-то вонючее, приволокли неизвестно куда, продержали почти сутки, а теперь задают нелепые вопросы? Так-то, конечно, можно бы и описаться, и заикаться, и падать в обморок... Только смысл этого? Легче не будет. Поэтому я сижу, смотрю и слушаю, чтобы понять – что за хрень тут творится?

Похоже, начинает злиться. Что ж, это только на руку. Чем более взволнован собеседник, тем проще вывести его на чистую воду...

– Вот и я хотел бы знать, как вы сюда попали?

Фыркнула, глянула, как на идиота:

– Спросите у тех, кто меня сюда приволок и так гостеприимно встретил.

– Мне известно, где Вас взяли мои люди, и что происходило после этого. Я хочу знать, что происходило ДО этого, и как Вы оказались в том дворе.

– "ДО этого" с какого места начинается? Что Вам нужно, по-русски можете объяснить?

Она издевается, что ли? Или действительно не понимает, что у нее могут быть серьезные проблемы, если не докажет свою непричастность к Никаноровской банде?

– Как Вы оказались в том дворе, и почему попали к моим ребятам, среди своры мужиков, которые хотели покалечить моего сотрудника?

– Я надеюсь, меня не обвиняют в том, что хотела кого-то избить, тем более мужчину? Я в последний раз поднимала руку на кота, когда он нагадил посреди кухни. И то пожалела, неделю с разодранными руками ходила...

– Не уходите от темы. Как Вы там оказались?

– Не поверите. Как в кино: шел, поскользнулся, упал. Очнулся – гипс.

Так, уже непонятно, кто и чьи нервы треплет. Похоже, злость ей только помогает, а не выбивает из колеи.

– Конкретнее.

– О, боже... шла я по этому двору, понимаете? Шла себе домой из парикмахерской, решила немного путь сократить, и пошла дворами. Сократила, блин.

– Что дальше?

– А дальше: хотела уже развернуться, потому что впереди подозрительная компашка сидела, напрягли они меня гоготом своим, но не успела. Кто-то долбанул по макушке, больно, между прочим, какую-то тряпку на голову намотал, руки назад скрутили, засунули в машину и повезли. Сказать, что охренела – ничего не сказать. Успела с мамой-папой попрощаться, вспомнить грехи не отпущенные, денег вроде никому не должна, на работе тоже висяков не осталось... Как-то так. Дергаться неудобно было, поэтому лежала и молчала, пока обратно из машины не вытащили. А потом все оказались милыми и заботливыми. Прямо как на курорте побывала.

И на автомате потеряла запястья, разминая. Только сейчас Дмитрий разглядел, какие нежные, тонкие косточки у нее на руках (до этого рукава толстовки не позволяли) – двумя пальцами можно обхватить, и еще место останется. И на этих хрупких, детских ручках, чуть ниже трогательно выпирающих косточек, чернели страшные синяки... Откуда – то вылезла непрошенная жалость, захотелось сглотнуть комок, застрявший в горле. Так, никакой жалости. Просто грамотно манипулирует, зная, на что давить. Но глаз отвести от этого варварства не смог. Девушка поймала его взгляд, одернула рукава, и сжала кулачки. Зубы стиснула, но промолчала. Не похоже, что специально показала следы насилия...

– Понимаете, Анна Сергеевна, Вы себя ведете очень необычно для человека, который абсолютно непричастен к происходящему. Словно заранее были готовы к этой ситуации, просчитали свои поступки, и сейчас роль играете.

– А что необычного? Как я должна себя вести в подобной ситуации? Я, знаете ли, впервые так влипла и правил игры еще не знаю.

Это что, теперь иронизирует? Не всякий мужик имеет такую выдержку.

– Здесь нет никаких правил. Но нормальная реакция – это испуг, истерика, возмущение, в конце концов...

– А Вы специалист по таким ситуациям, как я посмотрю? Изучили, что нормально, что ненормально?

– Я просто знаю, как люди ведут себя в ситуации стресса.

– А Вы при стрессе что делаете? В истерику впадаете или пугаетесь? Плачете, руки заламываете, морды бьете?

Сергей, снова издал какой-то звук, похожий на хрюканье, и заглох только после того, как начальник сердито зыркнул.

– Я говорю о нормальном женском поведении, а не о себе.

– А я не нормальная женщина. У меня психика тормознутая: эмоции запаздывают, или вообще не проявляются, только мозг работает. Видимо, предохранители слабые – при любой опасности для душевного здоровья их вырубает начисто, знаете, как при пожаре электричество отключается? И все: я веду себя как зомби – говорю, думаю, шевелюсь, а переживаний – ноль, как будто со стороны на все смотрю. Иногда еще смеяться могу, это помогает. Тяжело так жить, если честно.

– А в чем тяжесть? Вам многие позавидовать могут: сохранять ясность ума в сложных ситуациях не всем дано.

– Ага. Поэтому Вы меня домой не отпускаете, а в чем-то подозреваете. А еще постоянно люди думают, что я притворяюсь, или что бессердечная. Короче, иногда поплакать или поистерить не помешало бы. Но я не представляю, что сидела бы здесь и сопли по щекам размазывала, чтобы вы от меня отстали. Не умею так.

Мда, занятная особа. И что с ней теперь делать, с такой необычной психикой? Поверить и отпустить восвояси? Если у нее, действительно, такая норма поведения – на обычном разговоре ее не поймашь: не просчитываются реакции, и подвести ее поведение под схему тоже не получится. Придется усложнять задачу...

– Что ж, придется Вам верить и отпустить, извинившись за все неудобства. Вы понимаете, что ни в коем случае не должны никому говорить, что произошло, и где Вы были? Если не понятно, объясню: Вы, Анна Сергеевна, очень везучая девушка, так как еще сидите здесь, живая и здоровая, и мило со мной беседуете. А могло бы и по-другому сложиться, попадись под руку другой моей команде, пошустрей и погорячей.

Посмотрел прямо в глаза, стараясь сделать лицо максимально устрашающим.

– Вы меня пугаете сейчас или утешаете?

– Нет, разъясняю нюансы. Не хочу дополнительных проблем и неудобств, ни себе, ни Вам.

– О, как мило... Вы очень заботливы.

– Я понимаю Ваш сарказм, и осознаю, что мы тоже в чем-то виноваты: стоило отправить Вас домой, как только увидели, а не держать всю ночь. Чем я могу компенсировать перенесенные неудобства?

– Отвезите меня туда, где есть такси.

– Зачем?

– Затем, что я не хочу идти по городу в мятой одежде, не умытая и лохматая.

– Так мы отдадим Ваши вещи, причисывайтесь... – даже растерялся немного. Вот проблеме придумала.

– Там нет расчески.

– Шутите? Вы же не думаете, что мои люди могли украсть Ваши причиндалы?

Тут снова заржал Серёга, уже в открытую:

– Да не было там ни косметички, ни расчески, никаких бабских причиндалов. Документы, кошелек, ключи. Все.

– Какое Вам дело до моих расчесок и помад? Не хотите отвезить – вызовите такси сюда, хотя не думаю, что Вам нужно, чтобы я знала, где сейчас нахожусь.

– Меньше знаешь – лучше спишь? Мудро, одобряю. И Вам, Анечка, совсем не любопытно?

На "Анечку" поморщилась, как от кислого.

– Я хочу домой, а любопытство сгубило кошку, если Вы не в курсе.

Мда, умная язва. Давно с такими стервочками не сталкивался. Ладно, пора завязывать с этой крошкой, пара нюансов – и отпускаем восвосяси, будем наблюдать издалека.

– Что Вы хотите в качестве компенсации за моральные страдания?

– Я. От Вас. Ничего. Не хочу. Забыть, как страшный сон, и никогда больше не вспоминать. Это будет лучшей компенсацией.

– Ни денег, ни услуги какой-нибудь? Может, есть проблема какая-то, с которой нужно помочь? – Это уже Сергей подключился. Совесть, похоже, замучила.

– Деньги я сама себе заработаю. И проблемы тоже предпочитаю решать сама, и не вашими методами. Просто доставьте меня туда, откуда взяли.

– Почему не сразу домой?

– А Вы хотели бы показывать свой дом людям, которых надеетесь больше никогда не встречать?

Хм, расслабилась, похоже, и решила показать истинное отношение к своим "тюремщикам". Что ж, имеет право. Хотя стала намного интереснее – видимо, совсем без тормозов малышка.

– Хорошо. Сергей отвезет Вас туда, куда скажете. Я тоже надеюсь, что Вы все забудете и не станете болтать лишнего, даже близким. Намек ясен?

Глянула, как на идиота – не с презрением даже, а с жалостью. Промолчала, приподнялась с кресла, начала натягивать кроссовки. Обулась, выпрямилась.

– Я готова.

Дмитрий проследил в окно, как они с Сергеем вышли во двор. Девчонка даже не смотрела по сторонам, запрыгнула на заднее сиденье без помощи, и автомобиль тронулся и увез эту ненормальную женщину из его жизни

Глава 3

А без нее жизни нет. Это только сейчас, во сне понятно стало. Боялся – не заснуть будет, с ней под боком. А сам провалился, наверное, через минуту. И сон такой сладкий: как когда – то наяву было, уже очень давно, когда все казалось таким простым и ясным.

Вот она, теплая и сонная, повернулась и прижалась сильнее, и зашекотала дыханием кожу на груди. И ресницы во сне шевельнулись, словно бабочка крылом зацепила. И так сразу легко дышать, и одна рука прижала ее затылок поплотнее, чтобы не ерзала, а вторая похозяйски пошла гулять по спине, вспоминая на ощупь каждый позвоночник, каждое ребрышко, бережно обводя и поглаживая, и тонкая ткань истертой футболки совсем не мешает чувствовать жар этого сонного тела... Футболка? Откуда во сне взялась футболка, ее здесь быть не должно? Срочно исправляем. Так, аккуратно развернуть, положить на спину и начать операцию "избавление от одежды": бережно прихватываем край и поднимаем, спокойнее, по миллиметру, чтобы не потревожить... Позволим рукам похозяйничать – в том времени, из сна, она никогда не была против... Большие пальцы начали выписывать невесомые круги на нежной коже, а ладони двинулись вниз, к ягодицам – там ведь тоже край одежды, его нужно подтянуть вверх... господи, только от нескольких движений все тело ожило, нестерпимый зуд во всех конечностях – каждая клетка потянулась к ней, желая ощутить, прикоснуться, вжаться, пристать намертво... Тихо, спешить некуда. Она тоже спит, и мешать не стоит. Устала, маленькая. Приподняться на коленях, прогнуть тонкую талию, чуть оторвать от дивана – и, вуаля, одежда поднята до самых плеч. Сейчас, главное, сосредоточиться и забыть, что там, внизу, все так открыто, и маняще незащитно. Только один раз прикоснуться губами к мягкому животу, вдохнуть его теплый аромат, прихватить легонько зубами ароматную кожу... замереть от того, какой болью отдалась в теле эта маленькая ласка. И – вперед, сейчас самое важное: нужно стянуть футболку через голову, не разбудив. А, чем черт не шутит, разорвать ее – и дело с концом! Что сразу не догадался? Столько времени потерял... в те древние времена, еще до этих снов, не раз так делал, когда терпения не хватало возиться с лишними крючками и застежками, за что неоднократно получал втык от хозяйки, за порчу имущества...

Всего два резких движения, треск разорванной ткани, стянуть обрывки с плеч – и вот оно, пиршество для голодного, истосковавшегося взгляда. И страшно от того, что можно не сдержаться, наброситься со всей дури, как требует звенящее от напряжения тело; и растерянность, когда не знаешь, с чего начать: вот с этой маленькой родинки под грудью, которая так и притягивает губы, или с ямочки на ключицах, или с запястий, они такие у нее чувствительные... Так, пойдём по порядку: убрать волосы от лица, чтобы не мешали, обвести пальцем линию губ – такие необычные они: сами пухлые и мягкие, как у ребенка, а контур четкий, как будто вылепленный. Если в профиль на нее смотреть, больше ничего не замечаешь – только на эту нежную красоту и пялишься. Руки потрогали, вспомнили эту зовущую негу, а дальше – уступаем место рту. Там давно уже все пересохло, как будто три дня ни капли росы не было, от нестерпимой более жажды. Прижался, потерся нежно, прихватил зубами, потянул в себя сначала нижнюю, более пухлую губку, потом лизнул ямочку над верхней, а потом... Господи, когда придет час смерти, последним желанием будет – еще раз выпить это дыхание, до дна, до хрипоты, до последнего вздоха, потому что большего счастья нет, чем целовать эту женщину. И пусть она спит, пусть никогда не просыпается, и пусть голова так пьяно кружится целую вечность.

А руки? Руки живут своей жизнью, не спрашивая хозяина – недоумка, ведь это он виноват, что они на полгода забыли кайф от невесомости, которую дарит ощущение этой тонкой, полупрозрачной кожи. И они забирают, жадно наворачивают упущенное – гладят, трогают, мнут, ласкают. Одна зарылась в волосы, захватывая затылок, выгибая шейку так, чтобы всю

подставить под поцелуи, чтобы не осталось ни одного не обласканного миллиметра, вторая потянулась вниз, подхватывая коленку, закидывая ее ножку себе на бедро. Да, маленькая, вот так и оставайся, и не шевелись, пока я не позволю. Это же мой сон, я здесь главный. Нет, конечно, тебе будет хорошо, но сейчас только я знаю, как лучше.

И уже без помощи запрокидывается ее голова, упираясь затылком в подушку, и тело выгибается дугой, само подставляется, уже требует ласки, а дыхание сбивается на хрип. Сейчас он перейдет в полувсхлип – полустон, такой сладкий, что крышу сносит ко всем чертям и уносит в неизвестном направлении. Пусть летит, нам сейчас крышка ни к чему, котелок отказывается варить начисто, желание несется скорым поездом, громким шумом отдает в ушах, сердце вот – вот проломает грудную клетку и вырвется на свободу. Нет, моя хорошая, если ты начнешь сейчас кричать, я взорвусь раньше времени, а еще так много нужно успеть, твои вопли я послушаю чуть позже, на втором или третьем твоём оргазме, а пока будем глушить их, глотать, выпивать до последнего вдоха...

Вот она, нирвана. Какой идиот придумал, что познать истину можно только при воздержании? Он никогда, наверное, к женщине не прикасался. Или не было у него ТАКОЙ женщины. Оказаться в ней, на ней, вокруг нее, перемешать тепло и запахи тел, оказаться так глупо и близко, что ближе – невозможно, если только не изобретен способ залезть к ней под кожу, под черепную коробку. Если у кого – то есть такой патент, можно отдать все деньги мира, не глядя, только бы срастись с этой женщиной намертво.

Отвлеченные мысли помогают немного тормознуть перед обрывом в пропасть, не дают дойти до точки невозврата, после которой контроль невозможен. Просто полежать, не двигаясь, погладить ее лицо, потереться щекой о шею и – медленно, очень медленно начать дорогу в космос. Смешная, даже во сне хмурится нетерпеливо. Не любит паузы. Если бы осознавала происходящее, начала бы требовательно хныкать. Потерпи, хорошая моя, я сам с ума схожу, но сейчас нужно именно так. Хочу видеть, как меняется твое лицо, как раскрывается рот в крике – сначала беззвучном, а потом настоящим. Ты так мило смущаешься потом, когда понимаешь, что устроила эротическую вечеринку всем соседям, сверху, снизу и по сторонам от нас. Но сейчас тебе плевать, потому что сдерживать свой кайф ты не умеешь, и не даешь мне и секунды, чтобы сделать паузу. А я не хочу и не могу останавливаться. Вот оно, твое наслаждение – пальцы начали перебирать простыню, поехали по сторонам в поисках точки опоры, тело выламывается в невероятном изгибе, еще чуть – и зачет по гимнастике, держи меня за руки, крепче держи, прижми ладонь к ладони, сплети свои пальчики с моими. Больше всего я кайфую, чувствуя приближение твоего оргазма по рукам: всегда такие хрупкие и нежные, они вдруг вцепляются в мои с невероятной силой и не отпускают, пока окончательно не отпустит тебя саму... А дальше – дальше только полет, вдвоем в темноту, к фейерверкам из наслаждения, и нет больше мыслей, и самоконтроль, скорбно склонив голову, уходит вслед за потерянной крышей...

Ясность мышления вернулась вместе с ощущением времени и пространства. Сон, говорите? Ага, ногти, впившиеся в тыльную сторону рук, и легкая боль от укуса на шее – это самая, что ни на есть, реальность. Черт! Вот же гадство! Знал же, что не удержаться от этого щемящего душу соблазна, так еще и в постель к себе пустил! Теперь остается только исправлять свои косяки. Нужно открывать глаза и искать пути искупления. Вот и девочка глазки распахнула. Ну да, такой секс проспать невозможно. Хотя, она, обычно, в последний момент и просыпается. Смотрит непонимающе, ресничками хлопает. Эврика!

– Спи, малыш. Это все тебе снится, и я тоже. – Легкий, невесомый поцелуй в губы, в скулы, в глаза, заставляет их снова закрыться.

Поверила. Теперь можно взять на руки и отнести ее, такую мягкую, теплую, податливую, в душ. Нужно смывать следы преступления. А еще мы не предохранялись. Совсем круто. Утром будет о чем поговорить.

Спит стоя. Прислонилась к стене ванной комнаты и спит. Не притворяется. Смотреть на нее, такую послушную, безропотную – лучшее в мире из удовольствий. За это можно отдать обе почки и легкое в придачу. Может, поить ее постоянно снотворным, запереть в доме и никуда не выпускать? И просто наслаждаться тем, что она рядом? Совсем у тебя, брат, мозги свернулись. Или крыша уехала навсегда, не прощаясь, и теперь в голове гуляет ветер, выметая оттуда жалкие остатки здравого смысла. Так недолго и маньяком стать...

Так, несем обратно в постель, только теперь уже не на диван, а в спальню, аккуратно укладываем, пристраиваемся рядом. Теперь уже можно обнять, не таясь, и не запрещая себе ничего – какой смысл? И так уже накосячил, дальше некуда, так хоть урвать кусочек счастья напоследок. И руки привычно обнимают, пристраивая ее голову на плечо, и пах прижимается к теплой попке, и организм, как будто после года воздержания, снова моментально закипает. Можно, конечно, попробовать второй раунд, вот только не факт, что после него так же легко отделаешься...

Глава 4

Виновником второй встречи снова оказался Сергей. Друг, несмотря на свой brutальный вид, серьезную должность и солидную репутацию, в душе оставался романтиком, без памяти влюблялся в каждую новую подругу, и без конца надеялся на вечное счастье (что не мешало ему быть скептическим и подозрительным во всем, что не касалось личной жизни). Но девушки почему-то не ценили последнего героя двадцать первого века и постоянно давали ему от ворот поворот, вгоняя парня в тоску и отчаянье. В первое время Дмитрий пытался вправить другу мозги, в красках расписывая недостатки каждой предательницы и преувеличенно нахваливая прелести свободной, холостяцкой жизни. Сергей доводы не слушал и на все отвечал:

– Ты просто не знаешь, что такое любовь! Вот когда сам вляпаешься, тогда поймешь мои страдания.

Дима на это морщился, скептически хмыкал и продолжал настаивать на своем. Но однажды, устав от стенаний соратника, решил подсчитать количество "несчастливых любовей", которые успел пережить Сергей, и только присвистнул:

– Серег, за последний год – это пятая подруга, по которой ты убиваешься! Не слишком ли часто для одного мужика? Может, пора стать поразборчивее?

Статистика парня тоже не вразумила, и он продолжал мучить свое самолюбие, встречаясь с абсолютно не подходящими ему женщинами, не готовыми к серьезным отношениям и к тому грузу внимания, который на них обрушивался. Понимая, что с этим человеком не прокатят легкие, ни к чему не обязывающие встречи, бабочки быстро улетали на другие поляны.

Оставалось только слушать жалобы на несчастную судьбу и коварный женский пол, да удивляться: как умный во всех отношениях мужик может так глупо себя вести в делах сердечных?

В это воскресенье Сергей снова горевал, а друзья были нужны ему для компании: обсудить, как мир несправедлив, как тяжело жить и вообще... Дима и Славик давно уже не прислушивались к этим стенаниям, но компанию поддерживали, чтобы не бросать друга в беде, и не оставлять в нетрезвом виде без присмотра: в таком состоянии его тянуло на подвиги.

Для посиделок выбрали клуб, принадлежащий общему знакомому, спокойный и надежный, без крикливых и обкуренных малолеток, с нормальным ди-джеем и хорошим выбором спиртного в баре.

Ди-джей гонял что-то тихое, не режущее уши, в зале было занято всего несколько столиков (в основном – на втором этаже), на танцполе энергично трясли телесами две немолодые и давно уже не стройные тетки, больше – никого. Ничего удивительного: вечер воскресенья, жаркое лето, все нормальные люди отгуляли свое еще вчера, либо отдыхают где-нибудь на набережной, на свежем воздухе. Дима грустно поглядывал на часы и придумывал способ, как убедить Сергея, что бутылки вискаря достаточно, чтобы залить очередное горе; а вообще – пора двигать домой, потому как завтра понедельник и нужно на работу. Только Славка, бездельник, наслаждался жизнью, и завтрашний ранний подъем его нисколько не пугал: этот человек был доволен собой и миром при любых обстоятельствах, а сейчас кайфовал, издеваясь над несчастным товарищем.

Ничто не предвещало беды, и вечер должен был закончиться без приключений. Но неожиданно в зал ввалилась компания человек из двадцати, если не больше, что-то весело выкрикивая на ходу; эта толпа излучала волны нерастроченной энергии, выплескивая их на пути к столикам.

Часть вновь прибывших оккупировала ближайшие к танцполу диваны, часть – прямиком ломанулась в бар. Несколько девушек, бросив вещи, сразу же направились танцевать. Понятно.

Где-то уже поднабрались, а сюда приехали догоняться и плясать. Либо их уже откуда-то попросили. Хотя не похоже – особенно буйных в этой компании не было, просто люди навеселе.

Дмитрий от нечего делать наблюдал за происходящим, на автомате подмечая детали, особенно внимательно рассматривая женский пол – в конце концов, это клуб, на что еще здесь смотреть?

Минут через десять после появления, вся женская часть компании уже танцевала. Нельзя сказать, что это было верхом эстетического удовольствия, но всё же лучше, чем две престарелые примы, которые уже порядком утомили своими кривляньями. Даже Сергей немного пришел к себе и начал проявлять признаки интереса.

Ди-джей, наконец – то, понял, что появилась благодарная аудитория, и треки становились все бодрее. А девушки на танцполе – все раскованнее и веселее. Парочка забралась на подиум к пилоу и принялась тереться об него всеми частями тела, явно претендуя на эротичность. Это уже начинало... нет, не заводить и не возбуждать: это становилось весело. Девчонки отжигали без капли стеснения и сами хохотали над своими выходками. Парни весело комментировали каждое новое "па", которое так же походило на стрип – пластику, как солдатский марш – на "Лебединое озеро". Да и фигуры новоявленных "стриптизерш" мало подходили на эту роль. Но не было заметно ни одного человека, смущенного такой мелочью. В общем, компания отрывалась на полную катушку.

После тоскливых посиделок с товарищем, это нетрезвое, но добродушное веселье радовало глаз, и Дима, развернув стул поудобнее, уже всю любовался на действие вокруг пилона: желающих потереться об него становилось все больше. Обернувшись к Славику, чтобы прокомментировать очередную забавную выходку танцовщиц, он вдруг понял, что друг смотрит совершенно в другую сторону, не обращая на сцену с шестом никакого внимания.

Присмотрелся: в противоположной части зала вертелась еще пара красоток, эти старались не для публики, а для себя: выкручивались перед зеркальной стеной, явно любуясь своим отражением. Нет, там ничего интересного, на этих Славон точно смотреть не станет, не тянут на его уровень. Что же так привлекло его внимание? Пришлось немного вытянуть шею, чтобы рассмотреть получше. И разглядел: в стороне от всех, на самом краю освещенной площадки, двигалась еще одна девушка. Она явно не стремилась к вниманию – держалась в полутени, почти на границе между "сидячей" и танцевальной зоной, отдельно от тех, кто дергался и кружился в центре. Но то, как девушка двигалась, заставило моментально забыть обо всех остальных: она просто сливалась с музыкой, каждое движение предвосхищало, ловило и продолжало мелодию; возникало странное ощущение, что это она задает ритм, а потом уже возникают звуки. Сменился трек – и Дмитрий поморщился, потому что девушке пришлось остановиться, перестроиться, на секунду отпустив очарование. Благодаря этой заминке, он смог отвести глаза и посмотрел на Славику. Тот тоже оторвался от зрелища и потянулся к стакану, перехватил взгляд друга и довольно улыбнулся:

– Хороша куколка, ничего не скажешь. Пластика – на десять баллов из десяти. Вау, ты смотри, что творит!!!

В это время заиграл заезженный годами турецкий мотив, который ничего, кроме скуки, давно уже не вызывал, но в исполнении этой незнакомки он приобрел новые краски: высоко подняв руки, запустив их в длинные волосы, с практически неподвижной спиной, казалось, она плыла, но при этом вытворяла бедрами какие-то немыслимые пируэты. Затем начала выгибаться тонкая талия, а потом снова ожило все тело, с невообразимой скоростью передвигаясь в пространстве и воздухе. И в то же время – ни одного вульгарного, откровенно сексуального движения. Скорее – нарочитая скованность, словно сдерживает себя, не дает раскрыться до конца, показать в полной мере, на что способно ее тело. И эта сдержанность завораживала еще больше, притягивая взгляд в надежде, что вот-вот – и она раскроется, развернется на полную катушку, и сметет всех окружающих ураганом энергии.

– Ты посмотри, какая заводная. Я уже полчаса на нее смотрю – ни разу не остановилась, не присела. Горячая штучка. Если она так танцует, представь, что в постели творит?

Диме почему – то стало неприятно от этого комментария, он просто наслаждался, глядя на чудную пластику, и ни о какой пошлости даже не помышлял. Захотелось защитить девушку.

– Что ты сразу о сексе-то? Хорошо танцует девчонка, сразу видно, что мастер в своем деле.

– А вот фиг тебе. Она точно не профи. Ни одного поставленного движения я не заметил, ни одной связки или композиции. Это чистая импровизация, а техники у нее нет. Можешь мне поверить. Вячеслав все детство и юность провел в танцклассе, будучи редким парнем, который ходил на уроки танцев с удовольствием и по собственному желанию. Во всем, что касалось техники, теории и практики танца, неоднократно чемпиону всевозможных соревнований можно было верить.

– Да, и чем же она тебя зацепила, профессионал ты наш? – непонятно, откуда вдруг взялась злость на "специалиста", который посмел критиковать абсолютно постороннюю девчонку.

– Да тем и зацепила: ты посмотри, какая из нее энергия прет, она так отрывается, словно живет последний день. И при этом явный кайф от движений испытывает. А если эти движения перевести в горизонтальную плоскость... а какая гибкая – посмотри только, – и он маслено улыбнулся. – В общем, думай что хочешь, старик, а мне эта цыпочка очень нравится. Надо брать.

– А ты уверен, что даст? – желчно, удивив сам себя, подколот Дмитрий.

– Да кто мне в этой жизни отказывал?

С этим нельзя было не согласиться, и от того стало еще грустнее. И почему-то обидно. В общем – то, проблем с женщинами не было никогда, отказывали тоже нечасто, но в ночных заведениях Дима знакомиться не привык – как-то брезговал. А сейчас, вдруг, пожалел, что уступает Славке в навыках легкого "съема". Грустно будет, если эта бабочка попадет в коллекцию к бабнику – Славону. Жаль разочаровываться.

– Спорим, зацеплю?

– Да зачем спорить – то, и так все знают, что девок снимать ты мастер. Давай, вперед!

Почему – то стало грустно, смотреть – неинтересно, и вообще захотелось выпить.

– Диман, пойдем покурим!

– С чего тебя вдруг потянуло? – друг вел, в основном, здоровый образ жизни, и сигаретами баловался крайне редко. Взгляд на первый этаж: стала понятна неожиданная тяга к никотину. Незнакомка прекратила танец, подошла к столику, сделала глоток из бокала, что-то достала из сумочки и двинулась к выходу на улицу.

Стало любопытно: что же из этого выйдет? И мысль – куда ж ты, дурная, одна пошла? Там же темно и пьяные мужики ходят...

Подождали немного и вышли следом. После полутемного помещения и вспышек стробоскопа глаза не видели ничего. Осмотрелись: вот она, снова прячется на границе между светом и темнотой, отсвечивает только рука с влажной кожей и несколько прядей волос. Больше ничего не видно. Разговаривает по телефону и одновременно пытается прикурить, безуспешно: зажигалка щелкает, но не выдает ни одной искорки.

– Ну все, пока. Я тут прикурить не могу с одной рукой. Ага. Завтра поговорим. Целую. Спокойной ночи.

Славка быстро сообразил – подскочил, щелкнул фирменной зажигалкой. Дима решил постоять в стороне – понаблюдать, да и не стоит вдвоем к девушке подваливать – испугается еще.

– Спасибо, – немного хриплый голос. Приятный

– На здоровье, – банальная штука в устах непроходимого бабника обычно звучит как музыка для женских ушей.

Но эта не повелась – просто молча хмыкнула.

– Вы очень хорошо танцуете. Я весь вечер за Вами наблюдаю.

– А Вы очень оригинальны. – Звучит не похоже на комплимент. Скорее – с сарказмом.

– В смысле? – от холодного тона Славик немного растерялся.

– Очень необычный комплимент на дискотеке. Я сейчас должна растаять от восторга? Пикапер из Вас так себе, честно скажу.

– Ну, вообще-то, я редко хвалю людей за умение танцевать. Вы – одна из немногих, кому я искренне это сказал. – Друг, похоже, растерялся от такой реакции, и перешел с интонации "ловелас" на нормальный, человеческий разговор.

– Тогда спасибо. Мне приятно. – Что-то очень знакомое послышалось в интонациях – демонстративный холод и не очень – то прикрытая насмешка. Где – то уже он встречал эту явную, и такую выразительную издевку в голосе.

Славка же, как тетерев на току, ничего не услышал, и продолжал переть напролом:

– А с Вами можно познакомиться?

– Нет. – Вот так. Ясно. Лаконично. И без всякого скрытого смысла (вроде "нет, но вы еще поугаваривайте").

Друг опешил от такого поворота событий:

– А почему нет? Я просто познакомиться предлагаю. Должен же я знать имя той, которой столько восхищался.

– А меня лимит знакомых уже исчерпан. Если с Вами познакомлюсь, придется кого-то из прежних удалить. А они меня все устраивают.

И вот тут наступило узнавание: Дмитрий вспомнил, где слышал этот лед, насмешку и надменность в голосе. Пленница! Как же ее звали? Аня. Точно.

Почему-то показалось, что сейчас – самый удачный момент восстановить знакомство.

– Аня, а с уже знакомыми Вы не откажетесь общаться? Я ведь вхожу в этот лимит? – и почему-то сердце трепыхнулось. Как маленький, ей – Богу. И чего вдруг разволновался?

Пауза. Взгляд исподлобья, с прищуром, любопытный и настороженный одновременно. Похоже, сразу не узнала в свете фонарей. Слегка наклонила голову, рассматривая. Решил дать подсказку:

– Вы НЕ БОИТЕСЬ одна в темноту выходить?

Молодец! Подсказал. Напомнил. Теперь узнала, конечно. Лицо закаменело. Взгляд – не то, чтобы похолодел, а просто – как на пустое место.

–Нет. НЕ БОЮСЬ. И я с Вами не знакома. И не имею такого желания. – Развернулась, выбросила окурок и ушла.

– Димон? Что-то я не понял? Так вы знакомы с ней? Тогда че ты молчал до этого? И что между вами происходит, вообще? Так я клею эту цыпу, или нет?

– Да нет, не знакомы, перепутал с другой девушкой.

– Ну да, рассказывай. Видел я, как она на тебя зыркнула – чуть не испелелила. А зубы и кулачки сжались так, что даже мне не по себе стало. Давай, колись – откуда знаешь, почему сразу не сказал, и есть ли у меня шансы?

Дима трижды проклял себя за глупость и обозвал всеми матерными словами, которые вспомнились. Это ж надо было так удачно намекнуть, чтоб взбесилась... И, на самом деле, он ей не представился при первой встрече, да еще прозрачно намекнул, чтобы забыла все, как страшный сон. Да, идиот, и ничего не поделаешь.

– Я ее всего один раз до этого видел. В не очень приятных обстоятельствах. И узнал только по голосу, если бы не услышал, никогда б не догадался.

Славка выбросил так и не прикуренную сигарету.

– Ну, так что, я ее клею? У тебя никаких претензий в эту сторону? А то смотри, потом поздно будет. – И ухмыльнулся самодовольно.

Да какие уж теперь претензии. Так лихо облажаться одной фразой – это новое умение, которое Дмитрий приобрел только сегодня.

– Сомневаюсь, что у тебя получится.

– А это уж я сам позабочусь. Ты мне дай зеленый свет, главное.

– А с какого перепугу ты меня спрашиваешь? Она мне никто, делай, что хочешь.

– Дим, ты сейчас кого обманываешь? У тебя на лице сейчас все написано. И взгляд тоскливый. Странное "никто". Очень странное.

– Слав, отстань. Делай, что хочешь.

– Ага, ты только не начни заливаться на пару с Серегой. Пойдем.

Снова шагнули в темное, шумное помещение. С верхней площадки лестницы оценили обстановку. Больше всего Дмитрий почему-то боялся, что спугнул Аню, и она спрячется где-нибудь в темном углу за столиком или вообще уйдет. Похоже, Славка тоже этого опасался. Поэтому оба синхронно вздохнули, увидев тонкий силуэт в ярком платье уже в самом центре зала. В душу невольно закралось уважение перед характером: даже не задумалась о том, что интерес сразу двух мужчин (один из которых уже явно доказал свои криминальные замашки) может быть небезопасен. Либо очень глупая, либо очень смелая.

Играло что-то медленное. Несколько парочек вовсю обжимались посреди зала, считая, что облапать партнера под лирическую композицию – не стыдно, потому как танец. К Анне подтянулся какой-то парнишка из их компании, с явным намерением составить пару. Дима напрягся, ожидая, что и Анну сейчас так же прижмет и откровенно общупает какой-то м..ак, и все очарование пропадет. Но пара, улыбаясь друг другу, начала выписывать круги по танцполу, практически не соприкасаясь: лишь изредка встречались ладони, да рука партнера придерживала ее за талию в самых крутых поворотах. Это было похоже на отношения, которые выстраивались прямо на глазах у зрителей: ребята присмотрелись, подстроились, и начали игру: шаг навстречу – два назад, один уходит, второй – догоняет, она позволяет приблизиться, но на последнем движении плавно уходит в сторону, начинает свой собственный танец, словно забыв о партнере. Смотрелось круто, хотя и видно было – импровизируют, и откровенно веселятся: оба расхохотались, неожиданно столкнувшись в особенно резком пируэте. Просмеялись, остановившись, потом сделали напыщенные лица, и снова понеслись в танце. На лицах – только удовольствие от движения, никакой игры на публику, только свой собственный кайф. "Да, парнишка неплох, и у них явное взаимопонимание" – откуда-то прокралась горечь.

Взглянул на Славу: интересно, как он среагирует на неожиданного соперника? А тот уже среагировал: быстро перемахнул ступени и вылетел в центр зала. Поймал ритм, задвигался с профессиональной легкостью (мастерство – то не пропьешь). Выждал момент, когда Анна начала приближаться к своему партнеру, слегка подвинув в сторону, занял его место и протянул руки навстречу девушке. Дима напрягся: неужели не заметит подмену? Но девушка, почти вплотную приблизившись к мужчине, в самый последний момент неуловимо изогнулась и пронеслась мимо, будто игнорируя его призыв. Славка, похоже, растерялся: так еще никто не делал, в его протянутые руки падали все, кого он изволил пригласить. А она развернулась и только повела бровью, насмешливо улыбаясь. Затем снова пошла навстречу. Играет. В древнюю женскую игру "догони меня". И не поймешь – то ли всерьез уходит от нового ухажера, то ли заигрывает. Догадайся сам, называется. Но Славик тоже оказался не лыком шит – понял все так, как ему удобнее было. Парнишку оттеснил в сторону, перехватил инициативу, и у девушки остался один выбор: либо принять нового партнера, либо остаться в танце одной. Нужно отдать должное: она недолго думала, с легкостью переключилась на новичка.

Шоу, которое устроили эти двое, дорогого стоило. Не смотреть на них было нельзя: целый спектакль разыграли, легко и слаженно, будто сотни прогонов до этого отработали. Лицо друга светилось, что твой самовар: не так часто ему попадались толковые партнерши. Лицо

девушки... она улыбалась, но не Славику, и не зрителям. Сама себе. От того становясь еще интереснее.

На очередном крутом повороте Дима вдруг понял, что не может больше наблюдать, как радуется Славка. От чего вдруг резко захотелось выпить? – и сам не понял. Зависть, ревность, обида, что игрушка не ему досталась? Что это было? Разбираться не захотел. Поднялся к Сергею, заказал еще бутылку виски, и специально отвернулся от танцующей пары.

Минут через десять рядом приземлился запыхавшийся Слава. Схватил первый попавшийся стакан, залпом вылил в себя все содержимое. Поморщился, запил "Колой" прямо из горлышка бутылки.

– Хороша деваха, обалдеть! Да я бы с ней столько произвольных отработал – где она раньше была?!!

– Ты ж говоришь, не профи? – не хотел вообще о ней говорить, но не удержался.

– Да ее отшлифовать – цены не будет! Бриллиант!! Чем мы и займемся, не откладывая. – И прижмурился довольно, как кот перед банкой сметаны.

– Это как же ты планируешь ее "шлифовать"? – снова начало закипать раздражение. Почему-то захотелось крикнуть "я с ней первый познакомился, не лезь!". Но ведь не в детском садике, в конце концов, да и она сама дала понять, что не рада такому знакомству.

– Да сейчас, дам девчухе передохнуть, а дальше – пускаем в ход все наше невероятное обаяние! – и снова самодовольная ухмылка отъявленного бабника. Так и хотелось ее стереть.

Но тут в разговор вмешался Серега – не спал, оказывается, все это время, прикидывался. Похоже, старая привычка – блюсти и наблюдать – не пропала даже под действием горя и спиртного:

– Ты кого "обаять" собираешься? Вон ту красотку, которая к двери идет, с вещами и друзьями? Ну – ну, удачи...

Обернулись одновременно: Анна как раз стояла у входной двери, вполоборота, отмахиваясь от товарищей, которые пытались ее удержать. Секунда ушла на то, чтобы оценить происходящее, минута – перемахнуть через столики и выскочить в дверь. Но и этого времени ей хватило, чтобы выйти из клуба, запрыгнуть в такси, что-то выкрикнуть на прощание провожавшим и уехать в неизвестном направлении.

Вот так нелепо они вдвоем ее упустили.

Глава 5

Только не упустить. Это первая мысль, которая пришла в голову утром. Вообще не понятная и необычная для пробуждения. Так, зажмуриться и подумать: что ж такого приснилось, и о чем думал, когда засыпал, если эта невнятная идея набатом звенит в голове?

Солнце слепит глаза – опять забыл на ночь шторы задернуть. Проснулся ни свет, ни заря. А рядом кто-то пыхтит и тянет на голову одеяло, явно прячась от ярких лучей.

Ах ты ж, мать твою, вот о ком первая мысль была! Ну да, вот она, маленькая, скрутилась клубком, завернулась в одеяло, как в кокон. Всегда воюет за последние драгоценные минуты сна – не важно, с солнцем, с будильником, с непрошеными поцелуями: утренний сон для нее – наивысшая ценность, ни с чем не сравнимая и ни на что не обменная. Поэтому, как бы ни хотелось сейчас разбудить, растормошить, залюбить ее всю, от темной макушки до пяточек – нельзя. Себе дороже. Проверено неоднократно.

Поэтому: аккуратно встаем, задерживаем плотно шторы, укутываем в одеяло и валим отсюда, пока соблазн не взял верх над здравым смыслом. И так уже натворил делов ночью. Только сейчас это понимание догнало, тукнуло по темечку так, что зубы закрипели, а вместе с ним и ворох мыслей поднялся: что дальше-то делать? Как объяснить, оправдаться, не обидев, как убедить... В чем убедить? В том, что не хотел? Ага. Самому смешно. Не хотел. Руки чесались, ноги тряслись, что там с остальным телом происходило – лучше вообще не вспоминать, ТАК хотел. И соврать не получится. Кому-нибудь другому – как нефиг делать. Ей – бессмысленно. Лучше не пытаться. Так взглядом обожжет, что никакой валидол не поможет. Или, наоборот, окатит презреньем – заморозит, а потом парой слов добьет и уйдет, не прощаясь. А нам сейчас это совсем ни к чему.

Поэтому нужно так все объяснить, чтобы не врать, и не оскорбить своей наглостью. Только вот вместо нужных слов и мыслей, в голову почему-то лезет одно: какая она там теплая, под одеялом. И как тихо дышит во сне, так бы и слушал, бесконечно.

Похоже, привычка к никотину вернулась вместе с ней. И никакой овсянки на завтрак не хочется. Крепкого кофе – вот чего душа требует. Пока варится, можно и подумать над дальнейшими действиями. Смешно сказать: раньше так стратегию только в бизнесе продумывал, к важным встречам готовился. Неважные – сами собой, на автомате, проходили. Так и с другими женщинами: зачем думать о словах, если она сама с утра начнет трещать – не остановишь? Можно вообще молчать, и только хмыкать при согласии, вертеть головой – если против. Обычно все так и случалось. С этой – не прокатит. Если не захочет говорить – может промолчать полдня, и не важно – есть кто рядом, или нет. Ей просто нечего сказать – и она молчит. Очень долго пришлось привыкать к этой особенности. А потом – так же невозможно долго отвыкать. Похоже, до сих пор не отвык: вся женская утренняя болтовня теперь раздражает. Хочется мирной тишины, когда каждый думает о своем и не мешает другому. Поэтому больше, чем на раз, задерживаются только те подруги, которые исчезают под утро, не дожидаясь совместного завтрака. Или, наоборот, выставляют из дома, не разрешая ночевать. Мудрые девушки, словно знают, как рискованно совместное пробуждение. А эта – мудрая ли? Вряд ли. Ей, в общем-то, фиолетово, как ты относишься к утренней беседе. Просто так совпало, что у вас с ней похожие мнения. Что с утра ее лучше вообще не трогать и не попадаться на глаза. Тогда день пройдет мирно.

Мда. Это, конечно, все замечательно. Только вот что дальше-то делать? Здравая мысль вернулась после третьей сигареты и второй чашки кофе. Так недолго и до инфаркта, с такими-то потрясениями. Безумно повезло – и она снова мелькнула на горизонте, обожгла своим теплом и светом. Нечаянно, как всегда, не задумываясь. Подарила немного времени и украденной радости. А что дальше? Если снова исчезнет – это будет так же жестоко, как вернуть ослеп-

шему человеку зрение на пару минут – и опять отобрать. Напомнить, как прекрасно многоцветье мира, и снова лишиться счастья, уже навсегда. И ведь может. Не от жестокости. От незнания. Откуда ей знать, глупышке, как сердце заходится, и как ладони потеют (у взрослого-то мужика)? Никто не раскроет ей страшную тайну. И не потому, что стыдно. Потому что нельзя. Ведь тогда не уйдет. Но и душой не останется. Сама себя в клетку закроет, решит, что нельзя боль причинять, что нужно пожалеть. А не нужна такая – в клетке. Нужно, чтобы сама захотела, и сама осталась. Очень нужно.

Итак, мысль сформировалась. Смелая такая, мужская: валить. Сбежать на время, чтобы подумать на расстоянии. Говорил же, что нужно будет по делам отъехать. По каким, куда и на сколько – это уже не известно никому. Но оправдание для побега есть. Себе-то можно признаться, что это побег, и ни что другое.

Умыться, одеться, схватить ключи и бумажник – дел на пятнадцать минут. Закрыть снаружи, чтобы не сбежала – еще две. А потом колесить по городу бездумно – не известно сколько времени. Заехать к сестре, попросить на время спортивный костюм и какие-нибудь шлепанцы – еще минут сорок. С сестрой повезло: понимающая. Оценила хмурый вид, озабоченный тон, съязвила что-то насчет помощи беженцам и всепоглощающей страсти, от которой одежда "в хлам", но в душу не полезла. Время придет – запытает, всю подноготную вытащит, но сейчас не лезет. Ей одной и можно, как на духу, во всем признаться: не станет издеваться, давать советы, предлагать помощь. Просто и понятно объяснит, что братец у нее дурак, и с возрастом не умнеет. Четко так, по полочкам разложит. Но это потом. А сейчас напоила чаем, вручила пакет со шмотками, снова съязвила что-то насчет нижнего белья, дала подзатыльник и выставила. Даже не попрекнула, что разбудил в субботу в восемь утра. Потом припомнит. Со всеми отягчающими.

Еще час не маету по городу. Полчаса – в магазине, взять что-нибудь съедобное (не вчерашним же ужином кормить, который не состоялся?). А потом – сдаваться.

Щелкнул замком, намеренно громко зашуршал пакетами – прислушался. Квартира залита солнечным светом – значит, проснулась. Ага, и голос слышен. Интонации... Не похоже, что кому-то на жизнь жалуется. Да и не страдала она этим никогда – ни свет ни заря, делиться с подругами своими приключениями. Да, кого-то с утра уже отчитывает. Вдумчиво так, серьезно, что-то прямо расписывает по пунктам и по пять раз повторяет. Терпеливая. Будем в это верить.

Дойти до комнаты – и снова задохнуться, словно в первый раз увидев, так и не привык к этому зрелищу: ходит по комнате, в одной рубашке – какую со стула подхватила, такую и набросила. Утонула в ней вся, только шея нежная выглядывает, да ноги от колен торчат, босые. Что ж за привычка такая – босиком по холодному полу? Полное право – подхватить на руки, усадить на диван, обхватить ступни ладонями. Нужно ведь проверить – на сколько уже замерзла? Растереть горячими руками каждый пальчик, даже подышать можно. Только и успела моргнуть удивленно, но разговор не прервала – очень важный, видимо. И не нужно делать страшные глаза – никто тебя не помогает, сейчас теплые носки на ножки натяну и оставлю в покое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.